

Цин Янь всю ночь видел во сне, как собирает грибы. Грибы покрывали всю гору, их было бесконечно много, так что он, вымотавшись, едва не бросил эту затею.

На следующий день, проснувшись, он обнаружил, что уголки его губ треснули и воспалились.

Цю Хэнянь сидел на низкой табуретке в наружной комнате и присматривал за кипящей кашей. Когда Цин Янь вышел из внутренней комнаты, он сразу забрался к нему на колени, с тревогой показав свои губы:

— Больно... Как думаешь, это не какая-нибудь серьезная болезнь?

Цю Хэнянь крепкой ладонью придержал его за подбородок, внимательно осмотрел и, наконец, сказал:

— Думаю, ничего страшного. Под кроватью осталась неиспользованная мазь. После завтрака намажу тебе.

Цин Янь кивнул, уткнувшись лицом в шею мужчины, и приглушенным голосом пробормотал:

— Это все из-за тебя.

Цю Хэнянь обнял его за талию, опустил взгляд и тихо ответил:

— Угу. — он без сопротивления принял на себя эту вину.

Воротник одежды Цин Яня слегка сполз, обнажая тонкую, белоснежную шею и изящный изгиб. Его спина была хрупкой, а естественная впадина позвоночника уходила вниз, скрываясь под одеждой и образуя под тканью неоднозначную тень. От тела исходил мягкий, теплый аромат, убаюкивающий, словно тихая мелодия.

Вчера вечером он сидел, прижавшись к груди Цю Хэняня. Его губы были влажными и ярко-красными, он жаловался на усталость и тихо плакал, отказываясь продолжать.

Эти полутонные моменты — ни туда, ни сюда — разжигали кровь Цю Хэняня, заставляя ее бешено бурлить. Он был вынужден справляться сам, одновременно прижимая Цин Яня к постели и целуя его.

Цин Янь все время тихонько стонал, а когда все закончилось и Цю Хэнянь пришел в себя, он заметил, что его бок был исцарапан до красных следов. Даже в тот момент, когда он очнулся, руки Цин Яня все еще крепко держали ткань его нижнего белья, сжимая ее, будто последнюю опору.

Наступило утро. Когда Цин Янь проснулся и обнаружил, что уголок его губ потрескался, он вовсе не задумался о своих «прегрешениях» минувшей ночи. Вместо этого он сразу принялся жаловаться и искать «виновного», требуя заботы и нежности.

Цю Хэнянь почувствовал, как сердце его смягчилось, и потянулся, чтобы снова поцеловать его. Но, увидев следы на губах Цин Яня, он сдержался.

Тот, кого он держал на руках, был мягок и беззащитен, с полной зависимостью прижимаясь к нему. Цю Хэнянь закрыл глаза, боясь снова увидеть его обнаженную спину, и постарался подавить в себе яростное желание причинить вред этому хрупкому существу. Вместо этого он лишь тихонько покачивал сидящего у него на коленях, словно успокаивая ребенка.

Утренний завтрак был простым: рисовая каша из двух видов зерна и вчерашние булочки с мясом. Цю Хэнянь с аппетитом уплетал свои особенно кислые маринованные овощи, а вот Цин Янь даже не притронулся к ним. Когда-то он думал, что все в деревне так готовят, но, побывав у тети Ли и семьи Ван Саньяо, понял, что такие кислые соленья — уникальная черта его дома. Тетюшка Ли даже говорила, что способ их засолки, возможно, родом с северо-запада.

Цин Янь, исходя из этого, предположил, что Цю Хэнянь мог быть родом с северо-запада. Но сам Цю Хэнянь ничего не помнил о своем прошлом, поэтому и подтвердить, и опровергнуть это не мог. Доказательства были слишком шаткими, и Цин Янь решил оставить эту мысль.

После завтрака, приведя все в порядок, Цю Хэнянь вышел из дома.

Цин Янь подошел к зеркалу и попытался приоткрыть рот. Он понял, что болит не только уголок губ, но и щеки, и даже корень языка. Мазь, которую он намазал на рану, была горькой, и это ощущение горечи заполнило его горло.

Вчера вечером Цю Хэнянь снова начал терять контроль над собой, но на этот раз ситуация была не такой, как в прошлые два раза. Теперь все происходило под абсолютным контролем Цин Яня. Как только взгляд Цю Хэняня становился странным или его движения слишком резкими, Цин Янь щипал его за живот или бедро. Боль возвращала его к реальности.

Но даже при этом Цин Янь все равно чувствовал боль в горле. Раньше он считал все это игрой, даже находил в этом удовольствие. В самом начале это действительно казалось интересным, но позже он понял, что все сводится к физическому испытанию, слишком утомительному. Он уже начал подозревать, что из-за этого у него разовьется мышечный спазм лица.

После вчерашнего случая Цин Янь твердо решил больше никогда этим не заниматься.

Младшего брата Лю Фа из лавки тофу звали Лю Цай. Имя у него было обычное, но выглядел он

довольно привлекательно.

Его суженый — гер из соседней деревни, из семьи Ци Сань. Его звали Ци Инлань. Еще в детстве Лю Цай влюбился в Инланя, но тот был тихим и сдержанным, и избегал общения с такими, как Лю Цай, который постоянно был испачкан грязью. Маленький Лю Цай из-за этого не раз переживал детскую сердечную боль.

Позже, из-за войны, отец братьев Лю решил переехать к родственникам на юг. Когда вся семья уезжала с большим и малым скарбом, Лю Цай всю дорогу рыдал. В последние два года война утихла, но отец умер от болезни в чужих краях. Семья так и не смогла адаптироваться на новом месте. Старший брат, Лю Фа, как глава семьи, решил вернуться обратно.

Лю Цай все еще хранил воспоминания об Инлане. Ему уже пришло время жениться, и Лю Фа взял на себя заботу устроить брак младшего брата.

Семья Ци Сань жила за счет земледелия и была не так богата, как семья Лю. Этот брак выглядел небольшим восхождением для семьи Ци, но Лю Цай был хорошим человеком, и отец Ци дал согласие.

Помолвка состоялась еще в первой половине прошлого года, и было решено сыграть свадьбу, как только наступит весна. Теперь свадьбу назначили на начало следующего месяца, и семья Лю уже начала приготовления.

В доме больше не было старших, поэтому, как говорят, старший брат — как отец, а старшая невестка — как мать. Именно эта супружеская пара и занималась организацией.

В деревне всего было около двухсот дворов, и все друг друга знали. Семья Лю Фа занималась торговлей и поддерживала хорошие отношения с соседями, поэтому каждый день кто-нибудь из деревни приходил к ним помочь.

Тем утром Цин Янь тоже заглянул к ним. Жена Лю Фа, заметив его, пригласила подняться на кан. На кане уже сидели несколько женщин и невесток. Цин Янь поздоровался с ними и присоединился к работе — стал перебирать красные финики, лотосовые семена и другие вещи, которые понадобятся для свадьбы.

Пока все работали, разговор не умолкал. Только один гер, слегка наклонив голову, молча перебирал фасоль. Ему было немало лет, уголки глаз покрывали легкие морщины, а худое тело терялось в просторном стеганом халате, который болтался на нем как на вешалке, да еще весь в заплатках. Когда-то он, вероятно, был красивым, но теперь его лицо пожелтело, щеки впали, а спина согнулась.

Цин Янь внимательно наблюдал за ним. Он узнал этого человека — это был супруг Ван Хэяо, которого он однажды видел на берегу реки. Рядом с его худым лицом было написано его имя: Шэнь Минь.

Цин Янь повернулся к жене Лю Фа, которая лишь грустно улыбнулась ему в ответ. Когда Шэнь Минь ушел в соседнюю комнату за новой порцией бобов, жена Лю Фа, понизив голос, сказала Цин Яню:

— Я сама его сюда позвала. У нас ему хоть немного легче.

Она тяжело вздохнула и покачала головой.

Когда Шэнь Минь вернулся с бобами, Цин Янь, притворившись, что тоже занят сортировкой, завел с ним разговор:

— Меня зовут Цин Янь. Я — супруг Цю Хэняня из семьи Ван.

Шэнь Минь быстро поднял глаза, взглянул на него, но тут же опустил голову и тихо ответил:

— Я знаю тебя.

Цин Янь улыбнулся:

— Значит, по правилам, мне следовало бы называть тебя старшей невесткой.

Шэнь Минь покачал головой, его голос стал еще тише:

— Он не должен был так с вами поступать. Кузница не его, и землю ему тоже нельзя было отдавать.

Цин Янь на мгновение застыл, прежде чем понял, что под «он» Шэнь Минь имеет в виду Ван Хэяо.

— Он — это он, а ты — это ты, — мягко сказал Цин Янь. — Если будет время, заходи к нам.

Шэнь Минь поднял на него взгляд, посмотрел немного, затем снова опустил голову. Ни согласия, ни отказа он не выразил и больше ничего не сказал.

Когда основная работа была сделана, кто-то предложил пойти посмотреть на новую комнату. Жена Лю Фа сняла фартук и повела всех смотреть.

Дом семьи Лю представлял собой три смежные комнаты, расположенные в ряд. Справа находился цех тофу, в середине жили Лю Фа с женой, а слева — комната Лю Цая, которая теперь стала новой спальней молодоженов. После свадьбы он будет жить здесь вместе с супругом.

У всех трех комнат были отдельные двери, выходящие в общий двор. В двух жилых комнатах имелись кухни, но жена Лю Фа сказала, что готовить все равно будут в ее части дома, и вся семья будет питаться вместе. Пока дом не делят: если Лю Цай в будущем решит уйти из мастерской тофу и найдет более выгодное занятие, тогда можно будет подумать о разделе.

Новая комната была уже почти готова: кровать, шкаф, стулья и стол — все новое, покрытое яркой красной лаковой краской, чистое и сияющее. Стены выкрашены в ослепительно белый цвет. Кровать пока оставалась пустой, но через несколько дней представители семьи невесты должны принести приданое и застелить постель новыми матрасами и одеялами.

Все осмотрели новую комнату, восхищаясь ее убранством. Люди хвалили семью Лю за то, как шикарно все устроено, отмечая, что старшая невестка вложила и силы, и деньги.

Жена Лю Фа улыбнулась и ответила:

— Этот мой деверь для меня как родной младший брат. Его свадьбу, конечно, нужно провести как следует.

Цин Янь с легкой завистью смотрел вокруг. Когда он и Цю Хэнянь вступали в брак, обстоятельства были особенными, и им не удалось так тщательно подготовиться.

Теперь серебра у них было достаточно, чтобы все устроить по высшему разряду, но Цин Янь стал настоящим хранителем сокровищ: все копил и копил, не желая расставаться ни с одной монетой. Это стало своего рода зависимостью.

Он думал, что в будущем, возможно, откроет магазин в городе или в уезде, а семейная кузница, возможно, расширит свое производство. А для всего этого потребуется немало денег, так что каждую потраченную монету нужно было обдумывать.

Солнце в небе поднялось в зенит — был уже полдень. По традиции хозяева дома должны были предложить пообедать всем, кто помогал с делами, но Цин Янь беспокоился о том, чтобы покормить цыплят, поэтому решил попрощаться и отправиться домой.

Жена Лю Фа настаивала, чтобы он остался, когда во дворе раздался голос:

— Далан из семьи Ван пришел!

Цин Янь обернулся и увидел знакомую высокую фигуру, которая уже вошла во двор и смотрела в сторону дома.

Жена Лю Фа, прикрыв рот рукой, рассмеялась:

— Ну все, не будем тебя больше задерживать, он сам за тобой пришел!

Цин Янь вышел из дома, встретился с этим взглядом и, подойдя ближе, спросил:

— Ты зачем сюда пришел?

Цю Хэнянь ответил:

— Дело к тебе.

Они вместе отправились домой. Лишь вернувшись и зайдя в дом, Цин Янь понял, что за «дело» имелось в виду.

Цю Хэнянь принес с собой корзину яблок. Не застав Цин Яня дома, он догадался, что тот пошел к Лю Фа, и отправился за ним.

Сейчас ни в поселке, ни в деревне нельзя было купить яблок. Эти яблоки принадлежали крупному заказчику кузницы, который прошлой осенью сложил их в погреб. Цю Хэнянь договорился с управляющим той семьи и за высокую цену выкупил небольшую корзину.

Цин Янь был весьма доволен. Он вымыл одно из яблок и откусил большой кусок. Сладость неожиданно смешалась с горечью — он случайно зацепил мазь на уголке губ, и его лицо непроизвольно сморщилось.

Цю Хэнянь все это время смотрел на него и тихо спросил:

— Что случилось?

— Мазь горькая, — ответил Цин Янь.

Цю Хэнянь наклонился ближе, его голос прозвучал почти шепотом:

— Дай попробовать.

Цин Янь поднял руку с яблоком, задрал голову и позволил своему мужчине почувствовать вкус, оставшийся у него на губах.

Потребовалось время, чтобы «дегустация» закончилась. Голос Цю Хэняня стал хриловатым:

— Да, немного горчит.

Когда они отстранились друг от друга, лицо Цин Яня залилось краской. Цю Хэнянь медленно вытащил большую руку из-под халата Цин Яня.

— Мне пора, — сказал он, глядя прямо на него.

Цин Янь, придерживая одежду, опустил взгляд и, не смея поднять глаза, спросил:

— Останешься на обед?

Цю Хэнянь покачал головой:

— Не успеваю.

Цин Янь только кивнул:

— Я провожу тебя.

Цю Хэнянь вышел за ворота. Пройдя уже изрядное расстояние, он все еще ощущал тепло и мягкость, что остались в его ладони. Мужчина невольно провел пальцами по кончикам, будто пытаясь сохранить это воспоминание.

<http://bllate.org/book/13590/1205190>